

СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ РУССКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ СТИЛЕВЫХ ТРАДИЦИЙ В ПЕРЕВОДЕ РОМАНА АНДРЕЯ МАКИНА “ФРАНЦУЗСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ”

© 2003 К.В. Балеевских

Ярославский государственный педагогический университет

Вначале – несколько слов о писателе, творчество которого было подвергнуто лингвистическому анализу.

Андрей Макин – современный французский писатель, который 30 лет прожил в России.

Место рождения – Красноярск, 1957 год. Детство – в Пензе, затем учеба в Калинин (теперь Тверь), защита кандидатской диссертации по филологии в Москве, а затем – Новгород. Тридцати лет отроду бывший преподаватель французской литературы А. Макин приступает к реализации мечты всей жизни – жить во Франции, быть французским писателем. За 11 лет, с 1990 по 2001 гг., выходят в свет семь его романов, написанных на французском языке: “Дочь героя Советского Союза”, “Исповедь павшего знаменосца”, “Во времена реки Амур”, “Французское завещание”, “Преступление Ольги Арбелиной”, “Реквием по Востоку”, “Музыка одной жизни”.

За роман “Французское завещание” автор получает сразу три премии: премию Гонкуровской академии, Медичи и Гонкуровскую премию лицеистов. Этот роман является единственным переведенным на русский язык в журнале “Иностранная литература” (№12, 1996).

Особенности стиля Макина, которые позволили французским критикам так высоко оценить его творчество, рассматриваются нами в отдельных работах. Здесь же хотелось бы уделить внимание сравнительному анализу перевода произведения Ю. Яхниной и Н. Шаховской и его оригинала.

Российская критика неоднозначно отнеслась к “Французскому завещанию”. Некоторые авторы отмечали, что роман “густо нашпигован банальностями, клише, стертыми метафорами ... у французского языка, у французской литературы свой набор стилевых традиций, а у русского – свой. ... И при переводе в обратную сторону, с французского на русский должны возникать дубовые неловкости стиля, натужное притворство, словесные комки и колтуны” [2; 5, С. 208].

Большинство замечаний адресованы именно авторам перевода, но и стиль самого писателя подвергается довольно жесткой критике.

Чтобы выяснить, насколько объективны негативные оценки, присутствующие в указанных работах, и был проведен сравнительный анализ авторского текста и перевода. Для начала хотелось бы отметить одну особенность французского языка, о которой Макин говорит в одном из интервью: “Французский дисциплинирует. Русский – язык воображения. Всяких ... почти психических заскоков. А французский – это дисциплина, симметричность фраз, построения... Очень риторический язык” (курсив наш – К.Б.) [цит. по ЗИхоже, не все так просто. То, что у нас воспринимается как недостаток, там объясняется иначе: “Французский ... - это язык, на котором чрезвычайно легко писать и говорить, прибегая к клише... Потребность в зафиксированных ассоциациях могла способствовать привитию французам склонности к строго определенным формулам, к чеканным ...максимумам...” (курсив наш – К.Б.) [1, С. 376]

Возникает вопрос: как сделать перевод адекватным и соответствующим восприятию российских читателей? Проблема еще и в том, что произведения Макина представляют собой довольно сложный сплав: по стилю он явно француз, но содержание и конструкция многих фраз заставляют предполагать, что “воображение” автора находится под влиянием русской литературной традиции, причем XIX века. В связи с содержанием и формой изложения уместно было бы отметить некоторые особенности западных и восточных культур. Речь о том, что для индивидуалистических западных культур большое значение имеет *содержание* сообщения (что сказано), а не на то – как (низкоконтекстные культуры); в высококонтекстных культурах (в том числе, русской) люди в большей степени склонны обращать внимание на *контекст* сообщения (как сказано). Для коллективистических культур (японская, русская) характерна и большая, чем для индивидуалистических, дифференциация эмоциональных

категорий, богатство языковых средств для выражения эмоций. [4, С. 154-158]

По нашим наблюдениям, в произведениях А. Макина наряду с “чеканными максимами” и “строго определенными формулами” присутствует большое количество метафор, эпитетов и сложных языковых конструкций, которые, вплетаясь в общую ткань романа, затрудняют его перевод на русский язык.

В авторском (французском) тексте можно найти большое количество примеров, иллюстрирующих вышесказанное. Параллельно мы можем проследить, какой путь в каждом конкретном случае предпочитает переводчик: следовать ли за французскими (в том числе и клишированными) конструкциями автора или пытаться найти эквиваленты, более соответствующие отечественным литературным традициям.

Так, на странице 20 перевода (в оригинале – с. 20) мы встречаем выражение “так называемую пряжу Святой Девы”. В оригинале ему соответствует “les fils de la Vierge”, что представляет собой фразеологическое единство – “паутинка” (которая летает в воздухе во время бабьего лета), его дословный перевод только затрудняет восприятие текста.

На с. 21 (с. 21 оригинала): “извлекали камешки из белых “папильоток”, в которые они были завернуты”. В оригинале это слово выглядит как “des papillotes”. Основное значение этого слова в обоих языках – “бумажные бигуди”. Двумя строками ниже дан другой вариант перевода этого слова – “бумажки”, что тоже звучит неудачно. Речь идет, скорее, о клочках бумаги, в которые можно завернуть маленькие предметы.

Стр. 21 (с.22): “пресловутая “сумочка с Нового моста”” – “le fameux petit sac du Pont Neuf”. Слово “пресловутый” несет отрицательную коннотацию, в то время как в данном случае она отсутствует, и “fameux” переводится как “знаменитая, та самая”.

Стилистически неудачен и следующий фрагмент (стр. 22 перевода, с. 24 оригинала): “она вскоре окажется на скользком краю открытой могилы, куда уже улетят с лопаты первые комья земли”. – “...où s’envoleraient déjà les premières pelletées de terre”. Здесь два нюанса, касающиеся конструкции “уже улетят”. Во-первых, переводчики пошли за французской временной формой и перевели слово в будущем времени, хотя по-русски здесь скорее подходит прошедшее время. Во-вторых, “улететь” по-русски ассоциируется скорее с полетом вверх, а не вниз. Французская грамматика не располагает такой развитой системой приставок, которы-

ми в русском языке можно отобразить различные грамматические отношения. Макин, вероятнее всего, имел в виду слово “слетели”.

На стр. 22: “По иронии случая” – “Par simple ironie du hazard”. Здесь мы наблюдаем очень интересное явление. Во-первых, дословный и неподходящий для русского слуха перевод. Во-вторых, писатель совместил в словосочетании “ironie du hazard” две французских идиомы “ironie du sort” и “coup de hazard”, что соответственно переводится “ирония судьбы” и “чистая случайность”. По-французски это звучит достаточно необычно, но приемлемо. Видимо, переводчики в данном случае в ущерб русскому стилю решили показать своеобразие макинской конструкции и пошли за автором, вместо того, чтобы подобрать соответствующее русское клише.

Стр. 23 (с. 28): “поведает ли она нам какую-нибудь еще более сокровенную тайну или принесет лампу под бирюзовым абажуром и, как ни в чем не бывало, станет читать вслух что-нибудь из Доде или Жюль Верна, которые так часто делили с нами длинные летние вечера?” - “l’ait-elle nous livrer une nouvelle confidence, encore plus secrète ... qui accompagnaient souvent nos longues soirées d’été”. В данном отрывке “переменное словосочетание” (6, С. 230) “поведать тайну” является вполне подходящим эквивалентом для такого же типа словосочетания “livrer une confidence”. Однако переводчики явно злоупотребляют глаголом “поведать”: нередко такой перевод они дают французским глаголам, которые имеют другие значения (с. 31 (с. 50)): “Шарлотта поведала нам, что эти длинные послания...”; с. 55 (с. 122): “А еще, поведала нам Шарлотта...”; с. 67 (с. 160): “я поведал ему один из них”). Неупотребительно также и словосочетание “длинные летние вечера”, вполне подходящим переводом будет “долгие ... вечера”.

А вот отрывок об отдыхающей на полу крестьянке (стр. 25 перевода, с. 35 оригинала): “(ее тело) ...вкушало глубокий покой. Рассеянная улыбка блуждала на ее приоткрытых губах” – “son corps) ...se prélassait dans un repos profond. Un sourire distrahit colorait ses lèvres entrouvertes”. Неудачный перевод глагола “se prélasser”. Более подошло бы, на наш взгляд: “тело погружалось в глубокий покой (наслаждалось ... покоем)”. Достаточно метафоричное выражение “colorait ses lèvres” (окрашивала губы) переведено на русский язык с помощью клише “улыбка блуждала”.

Несколько ниже: “простертой на полу в блаженном забытьи” – “...prostérée dans son bienheureux oubli”. Лучше не “простертой”, а

“распростертой”, “раскинувшейся”. И далее: “(услышав), как Шарлотта с полным знанием дела толкует о крестьянских делах” – “...Charlotte parler de cette vie paysanne en parfaite connaissance de cause”. Здесь - тавтология “со знанием дела ... о делах”, которой нет в оригинале. Более точный перевод: “говорит о крестьянской жизни с полным знанием дела”. Но наблюдается и удачный выбор глагола при переводе (“толкует”), что придает тексту более живой характер.

Стр. 27 (с. 40): “Дыхание России” - “Le souffle russe”. В связи с контекстом (речь идет о деревенской избе) более “русским” вариантом будет эквивалентный перевод “русский дух”.

Стр. 27 (с. 41): “С расположенной в дальнем конце двора церкви сняли купол” – “L’église, située à l’une des extrémités de la cour, s’était vu enlever sa coupole”. Перевод неудачен - церковь не может стоять в конце двора. По-русски, в принципе, было бы сказано иначе. А писатель употребил для обозначения местонахождения церкви довольно абстрактное слово, что в данном случае обусловлено уже французским мышлением писателя. Перед нами разное национально-специфическое отношение к пространству: очевидно, русский человек иначе бы определил это местонахождение, с другой позиции, не со двора, а снаружи, а церковь, действительно находится где-то неподалеку. Здесь мы встречаемся с ярким примером влияния национального менталитета.

Стр. 30 (с. 47): “Эта вседозволенность ставила нас в тупик” – “Ce laisser-aller nous consternait”. Здесь и дальше неподходящий стилистически перевод “ставить в тупик” (Образ искаленной мебели ставил нас в тупик), хотя в обоих случаях в оригинале употреблены другие глаголы. Более подходящий перевод – “поражать, удивлять, озадачивать”.

Стр. 30 (с. 49): “(мошकारа), стремившаяся к лучезарной смерти под абажуром” – “...cherchaient leur mort lumineuse sous l’abat-jour”. Налицо злоупотребление переводчиками эпитетом “лучезарный” (и далее: с. 37 (с. 67) – “(не расставаясь при этом) с лучезарным (лучше – “светлым”) мгновением...”; с.55 (с. 133) – “Телевизор с его лучезарными (жизнерадостными) новостями дня”; с. 87 (с. 219) - “И лучезарно (ясно)”). У соответствующего французского слова вообще нет такого значения.

Наблюдаются шероховатости стиля в переводе и пропуск фрагмента фразы на стр. 31 (с. 50): “эти длинные послания были написаны рукой королевы Франции, супруги Генриха I, которая была русской женщиной по имени Анна Ярославна” – “ces longues lettres manuscrites

avaient été tracées, il y a un millénaire, par une reine de France – et une femme russe, Anna Iar., épouse d’Henri I”. Более подходящий перевод: “эти длинные манускрипты были написаны почти тысячелетие назад королевой Франции, русской женщиной, Анной Ярославовной, супругой Генриха I”.

Стр. 35 (с. 63): “(с) широкими проспектами, огражденными большими домами в сталинском стиле” – “(Avec) ses larges avenues aux grands immeubles de style stalinien”. Стилистически некорректное употребление слова “огражденными”, эквивалента которого нет и в оригинале. Другой вариант перевода: “с широкими проспектами и огромными домами сталинского стиля”.

Описание очереди в магазин (стр. 37 перевода, с. 67 оригинала): “Змея вздрогнула, плечи напряжились. Пинок, и вот я уже не в очереди...” – “Le serpent tressaillit, les épaules se raidirent. Une secousse...” Присутствие неудачного переводческого неологизма “напряжились” и не подходящего по значению слова “пинок”. Можно перевести дословно: “Змея вздрогнула, плечи напряглись. Толчок...”

О девочке в плохой обуви (стр. 38 перевода, с. 72 оригинала): “словно хотела, чтобы ее ноги стали невидимками...” – “comme si elle voulait faire disparaître ses pieds”. Стилистически неудачное и неоправданное употребление конструкции “стали невидимками”. Подходящий перевод: “словно хотела спрятать свои ноги”.

Описание женщины, потерявшей рассудок от голода (стр. 41 перевода, с. 81 оригинала): “И вдруг из ее горла вырывалось рычание львицы” – “Alors on entendait monter de sa gorge un hurlement de louve”. Не совсем понятно, почему переводчицы в русском варианте предпочли волчицу назвать львицей. Описывая голодающие русские деревни, Макин явно не хотел добавлять к этому никакой африканской экзотики. Наш вариант перевода – “И тут из ее горла вырвался вой волчицы”.

На стр. 46 (с. 94) переводчики (с неясной целью) употребляют в тексте идиому там, где в оригинале ее нет. Кроме того, она придает совершенно другой смысл фразе. “Жизнь покатилась по наезженной колее” – “la vie se figea”. Здесь употребленный автором глагол переводится как “застыть” (“жизнь застыла”), что более уместно при описании существования персонажей во время лютой сибирской зимы.

На с. 49 (с. 102) стилистические погрешности возникают из-за неправильного перевода предложения. “Дело в том, что Шарлотта как бы сохраняла свою экстерриториальность под русским небом” - “C’est que Charlotte surgissait

sous le ciel russe comme une extraterrestre”. В оригинале действительно присутствует основа “экстерр”, но обозначает соответствующее слово несколько иное понятие, нежели в переводе. Конструкции “как бы сохраняла” в оригинале нет вовсе. Возможно, более верным переводом будет: “Потому что Ш. внезапно появлялась под русским небом словно инопланетянка”.

В отрывке на с. 53 (с. 111), где речь идет об обстоятельствах смерти одного из президентов Франции, стилистически неудачных конструкций можно избежать при помощи дословного перевода. “Стискивал в объятьях свою любовницу и вместе с этим последним поцелуем испускал дух” – “enlaçait sa maîtresse et s’étouffait dans ce dernier baiser”. Наш вариант: “сжимал в объятьях любовницу и задыхался в последнем поцелуе”.

Стр. 54 (с. 118): “на этих гремучих улицах” – “dans ces rues tonitruantes”. Здесь переводчики употребили довольно странный эпитет-неологизм по отношению к шумной улице. В переводе это звучит, скорее, так: “на этих грохочущих улицах”.

Ниже на той же странице можно отметить еще один пример склонности писателя к сложным эпитетам и сравнениям, которые в очередной раз не очень удачно переведены на русский язык. “На фоне незыблемого общественного спокойствия нашей страны эти французы казались врожденными бунтовщиками, спорщиками по убеждению, профессиональными крикунами” – “Dans le calme social parfait de notre partie, ces Français avaient la mine de mutins-nés, de contestataires par conviction, de râleurs professionnels”. По нашему мнению, этот отрывок можно перевести несколько иначе: “На фоне незыблемого общественного спокойствия нашей родины эти французы выглядели прирожденными бунтарями, убежденно выступающими против общественного порядка, профессиональными скандалистами”.

Еще немного ниже (с. 119 оригинала) при описании необычного кафе в Париже, в котором подавался загадочный напиток “ратафья”, переводчики опустили важную деталь. Переведя словосочетание “dans des coquilles d’argent” как “из тонких (серебряных) чарок”, они не отразили тем самым особенность их формы – coquille – ракушка, раковина. Поэтому возможен такой перевод: “в серебряных чарках в форме ракушки” или “в тонких серебряных раковинах”.

Стилистически некорректный перевод в следующем случае (с. 76 перевода, с. 185 оригинала) был обусловлен своеобразным употреблением слова в оригинале. Речь идет о находке

главного героя – фотографии трех прекрасных женщин, открывшейся на обороте старой газетной странички. “Жизнь таких прекрасных, таких желанных женщин зависит от кувырка газетной странички” – “...de la voltige d’une page”. Трудность заключается в том, что слово “voltige” обозначает “эквилибристика, вольтижировка, трюкачество”. Возможно, автор хотел употребить слово “voltigement” (порхание), но, вероятнее всего, мы имеем дело с намеренным метафоричным употреблением лексики. Возможно, более целесообразным было бы перевести “(законы мира, в котором) таких прекрасных и желанных женщин спасает от забвения пируэт газетного листка”.

Трудно считать удачным перевод фрагмента (с. 111 перевода, с. 293 оригинала): “И с эгоизмом молодости, зациклившейся на одном предмете, я сказал довольно развязно...” – “C’est avec cet égoïsme infatué de la jeunesse que je lui demandai sur un ton un peu hilare...”. Здесь стилистической и переводческой неточности поможет избежать почти дословный перевод: “И с самонадеянным эгоизмом молодости я спросил ее с легкой усмешкой”.

Очень непривычно в русском переводе звучит конструкция (с. 125 перевода, с. 337 оригинала): “и боль которых с тех пор выдохлась” – “et dont la douleur s’était emoussée depuis”. Здесь переводчики (с неясной целью) не сочли нужным передать французское переменное словосочетание “la douleur s’était emoussée” аналогичным ему русским “боль притупилась”.

Очень часто во французском тексте встречается оборот “Quant à”, который переводится на русский язык дословно “Что до...” (“Что до французского языка, на него мы смотрели скорее как на наш семейный диалект” – “Quant au français, nous le considérons plutôt comme notre dialecte familial”; “Что до предполагаемой жертвы буржуазных взглядов, Альбертины” – “Quant à Albertine, victime prétendue des mœurs bourgeoises...” и т.д.). Здесь мы вынуждены согласиться с российскими критиками [5, с. 208] и признать, что “оборот “что до, плюс генетив” по-русски вообще неупотребителен, искусствен, привнесен гувернерами...”. На наш взгляд, здесь возможны и другие варианты перевода: “Что касается...”, “Говоря о...” и т.п.

Своеобразное выражение Макина “... être un homme signifiait penser constamment aux femmes, que l’homme n’était autre que ce rêveur de femmes...” переведено таким образом: “... быть мужчиной – значит постоянно думать о женщинах, ... мужчина – не что иное, как такой вот женовидец!” Переводческий неологизм “женовидец” не очень удачен как по форме, так

и по содержанию. Дословный перевод соответствующей французской конструкции таков: “женский мечтатель”, но так можно сказать только по-французски (снова нам открывается французская сущность автора...). Для более понятного перевода можно было бы использовать перифразу: “человек, находящийся в вечных грёзах (фантазиях) о женщине” или “человек, которого неотступно преследует женский образ”.

Перевод слов “francité” и “russité” (причем последнее является своего рода неологизмом в обоих языках) как “французскость” и “русскость” режет слух (на французском языке они звучат более изящно). Возможен такой вариант: “французский дух (сущность)”, “русский дух (сущность)”.

Злоупотребление притяжательной формой имени Шарлотта наблюдается в русских словосочетаниях: “шарлоттин дом”, “шарлоттин дядя”, “шарлоттины сандалии”, “шарлоттина Франция”. Это тоже звучит несколько некорректно. На наш взгляд, стоило бы оставить французскую форму связи, напр.: “сандалии Шарлотты” или “бабушкины” и т.п.

“Salle à manger” переводится как “столовая”, хотя в скромной русской квартирке более реально, на наш взгляд, назвать это “кухня”.

Еще один интересный случай: Макин вводит во французский язык русизм “scandaliste” (описывая пьяницу Гаврилыча), в русском же переводе это звучит как “хулиган”. При этом появляется совсем другая семантика, да к тому же “скандалист” – вполне русское явление, и наш читатель воспринял бы это адекватно.

И уж совсем чужеродно выглядит “лето Святого Мартина” (“été de la Saint-Martin”) на фоне советской действительности (ГУЛАГ). В этом случае передача специфики не оправдана. “Бабье лето” для русских читателей – более понятный термин.

При переводе одного фрагмента романа переводчиками был вообще опущен целый блок, представляющий интерес для русского читателя. Вот этот фрагмент: “Ce jour-là ... ma langue fourcha. Je dus tomber sur l'un de ces couples de mots, un couple trompeur, comme il y en a beaucoup en français. Oui c'étaient des jumeaux du genre “percepteur – précepteur”, ou “décerner – discerner”. De tels duos perfides, aussi risqués que ce “luxe – luxure”, provoquaient autrefois, par mes maladresses verbales, quelques moqueries de ma soeur et des corrections discrètes de Шарлотта”. Перевод: “В этот день ... я оговорился. Я, видимо, попал на обманчивую пару слов, схожих по звучанию, но не по смыслу, каких много во французском языке. Такие коварные

подобия вызывали когда-то по поводу моих словарных погрешностей насмешки сестры и ненавязчивые поправки Шарлотты”.

Речь идет о парах французских слов, “схожих по звучанию, но не по смыслу”. В оригинале эти паронимы приводятся, и можно было бы найти способ передачи этих феноменов, причем простым переводом.

Напр.: “Это были слова-близнецы типа “percepteur – precepteur” (смысл которых абсолютно разный: “фининспектор” и “наставник”), или “decerner – discerner” (и эти понятия не идентичны: “присуждать – различать”). А уж такие коварные дуэты, как рискованное “luxe – luxure” (“роскошь – разврат”) вызывали когда-то насмешки сестры и ненавязчивые поправки Шарлотты”.

Приведенных примеров (а это лишь часть стилистических погрешностей, обнаруженных в переводе) достаточно, чтобы придти к выводу: в ряде случаев более целесообразен авторизованный перевод, особенно если писатель-билингв заинтересован в публикации своих произведений на родине.

В заключение следует еще раз отметить поэтичный, несколько возвышенный стиль автора, его сложный и насыщенный метафорами язык, что не могло не отразиться на переводе, так как найти адекватные лексические конструкции, идеально передающие замысел писателя, – для переводчика задача исключительной сложности. И здесь можно в определенной степени согласиться с мнением отечественных критиков (Т. Толстой, М. Злобиной), не распространяя его, впрочем, на французский текст романа. Стоит еще раз подчеркнуть: французский – язык, где наличие большого количества клише – это норма. Что же касается русского языка, видимо, переводчикам не следует переносить большинство имеющихся в романе клишированных оборотов в русский текст, если они ставят перед собой задачу сделать язык произведения более близким русскому читателю.

В целом, перевод дает достаточно полное представление о своеобразном стиле А. Макина, его богатой литературной палитре. Тем не менее, наряду с примерами удачного использования русской идиоматики в ряде случаев наблюдается включение рискованных неологизмов, архаизмов и оборотов, не всегда гармонично вписывающихся в контекст (“напружились”, “женовидец”, “кувырок” и т.д.)

Необходимо также отметить и несколько явно авторских стилистических и лексических погрешностей: “papillotes”, “voltige”, очень частое употребление таких слов, как: “просто”, “простой” (“simplement”, “simple”) (стр. 22, 94,

99, 104, 108 и др.); “lumineux”, “luminosité” в различных контекстах.

Все сказанное отнюдь не умаляет литературных достоинств романа “Французское завещание”. Остается надеяться, что творчество такого неординарного представителя современной французской литературы, как Андрей Макин, станет более доступным широким кругам российских читателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. - М., 1955. - 416 с.
2. Злобина М. В поисках утраченных мгновений / М. Злобина // Новый мир. - 1996. - №10. - С.242-245

3. Корсунская Е. Дитя молчания и одиночества / Е. Корсунская // Итоги. - 30 июня, 1998. - №25. - С.74-75
4. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология / Т.Г. Стефаненко. - М., 1999. - 320 с.
5. Толстая Т. Русский человек на randevу / Т. Толстая // Знамя. - 1998. - №6. - С. 200 - 209.
6. Федоров А.В. Основы общей теории перевода / А.В. Федоров. - М., 1983. - 340 с.
7. “Французское завещание”, роман А. Макина / пер. Ю. Яхниной, Н. Шаховской // Иностранная литература. - 1996. - №12. - С. 18 - 27.
8. Makine Andreï. Le testament français. Mercure de France, Paris, 1995. - 343 p.